

шортца

А.Б.Зубов

РОССИЯ: ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ?¹

Ключевые слова: неправильность развития, русская ошибка, самоизоляция, абсолютизм, гражданское общество

¹ В основу публикации положена лекция, прочитанная автором в 2010 г. на VII заседании дискуссионного клуба «Валдай».

Кажется, еще со студенческой скамьи, где-то на грани 1960-х и 1970-х годов, мы с Алексеем Салминым обсуждали пути избавления России от коммунистической несвободы и примитивной глупости. Помню, как один из нас (не я и не Алексей, но ныне видный идеолог сегодняшнего режима) на подпольном политическом семинаре в конце 1970-х годов коротко охарактеризовал нашу задачу как «подрыв». Мы с Алексеем не вполне согласились с ним. Не столько подрыв, сколько преобразование общества. Алексей, при всей его эстетической и интеллектуальной контрверзе большевизму, всегда предпочитал мыслить в категориях созидания, а не разрушения. Мы искали причину «русской болезни», чтобы определить эффективное лекарство. Мы продолжали говорить об этом и в годы перестройки и уже в посткоммунистической России, которая, к сожалению, освободившись от тоталитаризма политически, так и не решилась расстаться с ним в сфере духа и истории. Вот уже пять лет, как наши диалоги с Алексеем прервались, но нынешний, вынужденный монолог — это продолжение тех бесед, начатых в кофейне МГИМО и продолжавшихся то на кухнях друзей, то в университетских и институтских аудиториях, то на речном берегу майской ночью у рдяных углей догорающего костра. Древние философы и «Слово о полку Игореве», Евангелие и Дао дэ дзин, Паскаль и Токвиль, Киреевский и Хомяков — было множество тем, в которых мы искали ответ на один, соединивший нас навечно вопрос: кто мы, что мы?

* * *

² Пайнс 2004.

Профессор Ричард Пайнс в книге «Россия при старом режиме»² дал, на мой взгляд, очень точное определение нашей российской реальности: Россия не слаборазвитая страна, Россия — это страна неправильно развитая. Я согласен с этим определением.

Но для того чтобы понять, в чем состоит неправильность развития, надо прежде определить, что есть развитие правильное. Я думаю, максимально упрощая, правильно развитым обществом можно назвать такое, где жизнь в целом, и во внутренних, и в международных отношениях, воспроизводит принцип: *во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними*. «В этом, — как сказано

³ Мф. 7, 12. в Евангелии, — весь закон и пророки³. Это принцип не морализаторский, это простая жизненная правда, противоположностью которой является так называемая «готтентотская этика» (на самом деле этому африканскому народу такую «этику» приписали белые дяди в XIX в.): когда у меня воруют коров — это плохо, когда я ворую коров — это хорошо.

Все люди и все народы время от времени отходят от мудрого принципа взаимности и увлекаются «готтентотской этикой», но это никогда не приносит им счастья и процветания. Скажем, Соединенные Штаты исключили черных рабов и индейцев из Билля о правах, а через семь десятилетий это привело к страшной и кровопролитной гражданской войне и сказывалось волнениями на расовой почве в течение всего XX в. Негативные последствия рабства оказались существенно большими, чем немедленный положительный эффект для белых американцев от эксплуатации рабов и бесправия индейцев.

Германия, забыв моральную философию Канта и политические наказания Бисмарка, перешла в конце XIX столетия к идее собственного национального превосходства и возжелала жизненного пространства. Это принижение соседних народов, эта национальная гордыня обернулись двумя мировыми войнами, гибелью десятков миллионов людей и унижением германского народа, осквернившего себя Холокостом и обескровившего неисчислимыми культурными потерями.

И Соединенные Штаты, и Германия успешно осознали и ныне преодолевают неправильности своего развития, которые они в свое время, и это очень важно, *добровольно* избрали. При свободном уклонении воли от правильного пути для исправления ошибки необходимо свободное же выправление допущенного искажения. Избрание черного американца Барака Обамы президентом США и успешное мирное развитие Германии лишь на 60% тех земель, которыми немцы владели в Европе в 1914 г., — зримые знаки исправления тяжких уклонений национальной воли.

Мы, русские, к сожалению, остаемся *«a misdeveloped nation»*. Думаю, что наш XX в., да и два последних послесоветских десятилетия, доказывают это с полной очевидностью. Правильно развивающиеся народы не оставляют равнодушно за спиной рвы с миллионами соотечественников, убитых собственным террористическим режимом, не уничтожают с сатанинской одержимостью свои культурные и духовные ценности, не грабят дотла родную землю, вывозя за океан добытые сокровища и обрекая на бедность и бесправие большую часть сограждан, не терпят на площадях своих городов статуи кровавых убийц и коварных растлителей. А у нас все это имеется в избытке. Наш народ тяжело болен.

⁴ *Зубов (ред.) 2009.* Но где начало болезни и в чем надежда на исцеление? В процессе работы над книгой «История России. XX век»⁴ и я, и иные авторы многократно задавали себе эти вопросы, порой находя, как нам кажется, ответы на них. И теперь этими нашими соображениями я хотел бы поделиться.

⁵ См., в частности, Фурсов, Пивоваров 1998.

Корни нашего неправильного развития, на мой взгляд, уходят весьма глубоко, в XV в. Именно тогда, по убеждению академика Юрия Пивоварова, сформировались основные элементы «Русской системы»⁵, которую я предпочитаю именовать «Русской ошибкой». В XV в., изгнав греческого митрополита Исидора и провозгласив независимость от Константинополя (1459 г.), русская Церковь (и, соответственно, русское общество, которое в то время было совершенно церковным) самопроизвольно отделила себя от всего христианского мира. Для молодого, культурно и политически только становящегося народа это самоотсечение от древней европейской цивилизации означало стагнацию и быструю деградацию. Она и произошла в XVI—XVII вв. Достаточно сравнить иконы Андрея Рублева с произведениями любого русского живописца через 200 лет, чтобы убедиться в этом.

Второй ошибкой, вытекавшей из первой, стало превращение восточнорусского политического строя из средневековой гражданской монархии в восточную деспотию. Этот процесс происходит при Иване III и Василии III. Народ, в том числе и высшие его слои — боярство и епископат, из субъекта политического процесса превращаются только в объект великокняжеской манипуляции. В Западной Руси в это же время гражданская монархия трансформируется в аристократическую республику, в которой рядовые горожане и все крестьяне теряют политическую правосубъектность. При этом сама Западная Русь Гедиминовичей все больше отделяется от Восточной Руси Рюриковичей. Между польско-русско-литовским государством и Москвой постоянно идет то горячая, то холодная война. Западная Русь через Польшу остается открытой Европе, Восточная Русь погружается в почти полную самоизоляцию. Северорусские «народоправства», еще с эпохи варяжской колонизации включенные в европейский мир, — Новгород, Псков, Вятка — в XV—XVI вв. просто уничтожаются абсолютистской Москвой, а их территория и население инкорпорируются в Московское государство. Политическое и гражданское бесправие и безудержная экономическая эксплуатация восточнорусского народа компенсируются «идеологией» национальной исключительности, вселенскости религиозной миссии православного царства и божественности особы монарха, объявляемого «земным богом» (Иосиф Волоцкий)⁶. Эта идеология оказывается тем более успешной, чем больше отделен от всего мира народ Восточной Руси, чем с большим пренебрежением несчастные, нищие и бесправные москвиты смотрят на все народы вокруг них.

⁶ «Царь убо естеством подобен есть всем человеком, а властью же подобен есть вышнему Богу» (Послания 1959: 184).

Вся эта конструкция, тщательно возводимая Иваном III и его сыном Василием, превращается в звериное людодерство при Иване Грозном, а в конце XVI в. с грохотом рушится, погребая под своими обломками и Московское государство, и совершенно разложившееся от бескультурья, бесправия и террора общество Восточной Руси.

В начале XVII в., после Смуты, Восточная Русь восстанавливается не монархом и даже не Церковью, но самим обществом, убедившимся, что никто за него отечество спасать не будет. Восстановившая себя Русь

сразу же, с избрания Михаила Романова на царство, обретает новый образ — народной монархии. Царь правит только в согласии с земским и освященным (церковным) собором — этот наказ дала Михаилу его мать инокиня Марфа, и родительский наказ старался исполнять и он сам, и его сын Алексей. Восстановленная после Смуты Россия была государством бедным, слабым, с преимущественно натуральным хозяйством, но она была государством народным, с земским и городским самоуправлением, с общенациональным парламентом — собором. Увенчанием соборной системы стало создание первого свода законов — Соборного уложения 1649 г. При первых Романовых русские пытались покончить и с самоизоляцией. Они восстановили живые связи с христианским Востоком, и Москва успешно воссоединилась с частью западнорусских земель — левобережной Украиной и Киевом. Но христианский Восток сам сильно деградировал за два века, протекших после падения Константинополя, а православные украинцы, хотя и более вестернизированные, были полны в то время ненависти к иноверным своим соседям и вместе с европейской культурой влили в восточнорусское общество еще немалую толику яда религиозной нетерпимости.

Бедой восстановленной Руси стала ее отсталость от Европы. Самоизоляция, избранная в XV в., обернулась тем, что по всем показателям — от военного дела до культуры мысли (богословия и философии) — Россия первых Романовых не шла ни в какое сравнение с соседними и столь же поздними христианскими обществами — польским и шведским. Крайне низкий уровень духовной культуры привел и к трагедии церковного раскола, отделившего от русского общества самую религиозно ответственную его часть, превратившуюся в старообрядцев.

Дети царя Алексея Михайловича — сначала Федор, а потом Софья — пытались дальше развивать принципы народной монархии. Царь Федор покончил с местничеством, Софья и ее фаворит князь Василий Голицын собирались заменить всеобщее натуральное тягло денежным налогом, а всем тяглецам от бояр до крестьян дать гражданскую свободу и право на частную собственность. Это вполне соответствовало самым современным политическим и экономическим теориям тогдашней Европы и обещало русскому обществу успешную, хотя и медленную модернизацию.

В целом, несмотря на тяжкие последствия старых ошибок, XVII в. был для русского общества успешным и сулил постепенное выправление национального развития, искаженного в XV—XVI столетиях.

Однако младший единокровный брат Софьи Петр Алексеевич, став царем, избирает для России иной вариант развития. Он полностью отвергает принципы народной монархии и рыночного хозяйствования, основанного на экономическом равноправии граждан. Процветание общества, правовая защищенность человека, мир с соседями его мало интересуют. Он избирает иной приоритет — строительство империи, славу России, то есть свою славу. Огромные средства на создание вооруженных сил, способных побеждать соседей и отбирать их владения,

а также «представительские расходы» на возведение Петербурга потребовали возвращения к политике последних Рюриковичей — закабаления общества, усиления всеобщего тягла, построения вместо самоуправления единой властной вертикали, подчиняющей монарху все сословия и даже Православную Церковь, совершенно автономную в XVII в. Рядом указов Петр превращает главное экономическое сословие России — крестьян — из тяглецов в государственных рабов, лишенных частной собственности и личной свободы даже в семейных отношениях. При этом Петр формирует фактически два несвободных сословия — искусственно вестернизированное дворянство и искусственно же удерживаемое в дикости и неграмотности крестьянство.

Петр III и Екатерина возвращают после 1762 г. личную свободу, частную собственность и даже возможности корпоративного самоуправления дворянам, но все остальные сословия остаются без собственности на землю, а крестьяне без собственности вообще. Основная часть российского общества, крестьянство, делится Екатериной на две примерно равные части — половина передается в частную собственность дворянам, которые теперь становятся рабовладельцами, половина остается за государством. Частновладельческие крестьяне совершенно бесправны. Они — говорящие орудия. Крестьяне государственные находятся почти в таком же положении. Для дворян развивается европейское образование, поощряются поездки в западные страны, создаются европейский строй и культура быта. Существенной частью дворянства становятся западные люди — остзейцы, поляки, западноевропейцы, и русские дворяне берут с них во всем пример. Крестьянство же искусственно консервируется в русском даже не XVII, а XVI в. — вовсе безграмотное, религиозно не просвещенное, изнуряемое тяжелой работой, изолированное от любых внешних контактов. К концу XVIII столетия в России сложились два народа — европейский по культуре, языку, отношению к власти и собственности дворянский мир и чуждый Европе по языку, культуре и мироощущению, всецело подневольный политически и бесправный экономически, не развившийся, но деградировавший в сравнении с XVI в. мир русский, крестьянский. Дворян было не более 1%, и они жили исключительно за счет принудительной эксплуатации 90% русского общества. Те, кого заставили остаться в XVI в., были рабами тех, кто благоденствовал в XVIII в. Это был главный принцип, *raison d'être* русского абсолютизма, принципиально отличавший его от современного ему абсолютизма европейского, правившего «без народа, но для народа»⁷.

⁷ Слова императора Иосифа II Австрийского.

Ужасный русский абсолютизм XVIII в. был бы, однако, невозможен без той привычки пренебрежения человеком, его правами, достоинством и жизненными потребностями, которая выработалась в русском обществе в XV—XVI вв. и не успела по ряду причин полностью изжитись в XVII столетии. Строй русского абсолютизма Петра и Екатерины есть следствие строя деспотической монархии Ивана

Великого, Василия III и Ивана Грозного. Если бы Петр, даже устранив Софью, продолжил ее политику создания гражданского общества и постепенного вхождения в Европу, последствия XVI столетия были бы в России изжиты, и XVIII в. стал бы совсем иным. Но Петр I и Екатерина Великая усугубили неправильности государственно-политического строительства последних Рюриковичей.

Собственно говоря, весь последний период старой России от Александра I до 1917 г. российская власть и русское общество пытались исправить ошибки XVIII столетия, но, как показала катастрофа 1917 г., попытки эти успехом не увенчались. Однако для нас сейчас весьма важно, что попытки изживания тяжелой социально-политической болезни шли в том же направлении, что и при первых Романовых в XVII в. Александр I пытается утвердить верховенство закона, предоставляет право на владение землей всем сословиям, разрабатывает конституцию (так называемая Уставная грамота Новосильцова) и создает условия для освобождения крепостных крестьян. Брат Александра Николай отказывается от его планов государственных реформ и 30 лет подмораживает Россию. Эта консервативная политика приводит к экономическому упадку страны, небывалому размаху коррупции, крестьянским бунтам и, наконец, к позорному поражению в Крымской войне, которого Николай Павлович пережить не смог. После Крымской катастрофы новый император Александр Николаевич, вовсе не либерал по духу, как его дядя Александр Павлович, боясь дальнейшей военной деградации России и новой пугачевщины, упраздняет крепостное состояние крестьян, учреждает городское и сельское всесословное самоуправление, отделяет суд от исполнительной власти и делает его соревновательным процессом. Через 40 лет строительство гражданского общества завершается дарованием либеральной Конституции 23 апреля 1906 г. и избранием законодательной всесословной Государственной думы. За полвека от реформ Александра II до 1917 г. Россия делает громадный цивилизационный рывок. Ее политически активный и ответственный модернизированный слой увеличивается во много раз и достигает 10—15% населения. Программа всеобщего образования 1909 г., полное уравнивание крестьян в правах с иными сословиями, расширение самоуправления и планы создания ответственного перед Думой правительства, быстрое экономическое развитие обещают к 1930-м годам превращение России в устойчивое и сильное гражданское общество и окончательное изживание неправильностей развития, привнесенных в XV и усугубленных в XVIII в.

«Дайте государству 20 лет покоя внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России», — обещает Петр Столыпин в 1909 г.⁸ Если Россия продолжит развиваться так, как она развивается теперь, практически одновременно утверждает Ленин, радикальное решение аграрного вопроса будет невозможно⁹. Но к радости Ленина, его и Столыпина пророчества не осуществились. В 1914 г. Россия вступила в тяжелейшую

⁸ Цит. по: Аксаков 1999.

⁹ В апреле 1908 г. Ленин писал: «Что, если... столыпинская политика продержится достаточно долго?... Тогда аграрный строй России станет вполне буржуазным, крупные крестьяне заберут себе почти всю надельную землю, земледелие станет капиталистическим и никакое, ни радикальное, ни нерадикальное „решение“ аграрного вопроса при капитализме станет невозможным» (Ленин 1968: 31—33).

войну, испытания которой русское общество, только еще становящееся ответственным и гражданским, не выдержало. Ленин и его сообщники, воспользовавшись всеобщим недовольством тяготами фронта и тыла, овладели страной.

Захватив власть, большевики тут же стали направлять общество по старой колее деспотии и имперского строительства. Все формы действительного самоуправления, частной собственности, свободной и открытой культуры были ими уничтожены вместе с носителями таких принципов. Тех, кого по тем или иным причинам пощадили, выгнали из России за ненадобность. Русское общество в России после второго голодомора и коллективизации и, окончательно, после большого террора 1937—1938 гг. вернулось даже не в XVIII, а прямо в XVI в. От XVIII в. советскую Россию отличало отсутствие вестернизированного правящего слоя дворянства. Как и при Иване Грозном, Россия стала мужицким царством с присущим ему беззаконием и жестокостью; царством, отделенным от всего мира и быстро деградировавшим экономически и культурно. Другая Россия, отсеченная большевиками, продолжала жить и творить в изгнании. Плоды ее творчества бесконечно обогатили мир (вспомним хотя бы Сикорского, Зворыкина, Набокова, Рахманинова и Пителима Сорокина), но, увы, не Россию, отправившую своих детей, по слову героя «Дара», в «злую даль».

Это третье возвращение России на колею старой ошибки можно признать и закономерностью. Мы можем заметить в нем даже некоторый ритм. Но слишком ужасны для нашего общества периоды пребывания в состоянии тиранической деспотии, чтобы спокойно готовиться к вступлению в него после очередной неудачной попытки построения гражданского общества. Хотя невелик шанс на то, что новая, четвертая уже попытка строительства гражданского общества в России будет удачней трех предыдущих, нам ничего не остается, как действовать в этом направлении, ибо нам очень хорошо известна альтернатива.

И все же ряд моментов позволяет, на мой взгляд, на этот раз надеяться на успех. Наше общество сейчас культурно более цельное, чем в XIX — начале XX в. Все сословия перемешались в страшном советском плавильном котле, и средства массовой информации и культурной коммуникации позволили учителю и ученику в камчатском селе знать то же самое, что знают учителя и ученики в пределах Садового кольца, а мальчику в бараке играть в те же компьютерные игры, что и его сверстник, скрывающийся за трехметровым забором особняка на Рублевке. Мир открылся для нас, особенно для молодежи, тысячами возможностей учебы и работы на любом континенте, да и в самой России. Русские, за исключением очень немногих, теперь не боятся внешнего мира, как в XV столетии, а скорее копируют его и полагают себе за образец, как дворянство в XVIII в. Русское зарубежье, потомки старой русской эмиграции — вот воистину другое сословие современного русского общества, но оно ни в малой степени не является эксплуататором (как

вестернизированное дворянство), а только положительным примером и до некоторой степени культуртрегером грядущей нашей цивилизованности. Все это вселяет некоторую надежду, что в четвертый раз на те же грабли мы не наступим.

Однако между достаточно успешным нашим будущим и сегодняшним днем имеются две помехи, которые могут разрушить проект безвозвратной модернизации и демократизации. Они связаны между собой, и в заключение я хотел бы остановиться на них. Эти помехи серьезны.

Первая из них — это полная разрушенность социальной ткани нашего народа. За годы советской власти произошла очевидная отрицательная социальная селекция. Все «настоящие буйные», по слову Высоцкого, все вожаки, люди социально ответственные, нравственно принципиальные были физически уничтожены на расстрельных полигонах, погибли в войнах или были раздавлены в ГУЛаге.

За 25 лет царствования Александра I в России не был приведен в исполнение ни один смертный приговор. За 1825—1904 гг. было вынесено 1397 смертных приговоров, из которых 993 были приведены в исполнение. В 1905—1913 гг., то есть в том числе и в годы первой русской революции, к смертной казни приговорили 6871 человек. Приговор был приведен в исполнение над 2982¹⁰. Иначе говоря, всего за 112 последних лет императорской России (исключая годы первой мировой войны) российская власть лишила жизни 3975 человек. В то же время за один только день, день вполне мирный, когда не было ни войны, ни революции, за 12 сентября 1938 г., три человека — Сталин, Молотов и Жданов — утвердили 4825 смертных приговоров. В 1954 г. министр внутренних дел Круглов сообщил Хрущеву, что с 1930 по 1953 г. в СССР казнены 765 тысяч человек. И эта цифра, как считает А.Н.Яковлев, «ложная», крайне заниженная. «Мой собственный многолетний опыт работы по реабилитации позволяет утверждать, что число убитых по политическим мотивам, умерших в тюрьмах и лагерях за годы советской власти в целом по СССР достигает 20—25 миллионов человек», — указывает этот видный деятель коммунистической партии¹¹. На одного казненного в императорской России за 112 лет приходится 10 тысяч казненных или умерщвленных по воле советской власти за 72 года. Что можно говорить после этого...

А большинство уцелевших отучилось от самоорганизации на добро, на позитив. Все привыкли выживать в одиночку, как в тюрьме. Очень характерно, что общественно-политическая активность в тех районах бывшего СССР, где советская власть установилась после 1940 г., во много раз выше, чем на пространствах, которые большевики контролировали с 1918—1920 гг. Самая страшная переплавка человека была именно в эти первые 25 лет советской власти. Образовавшийся в результате человеческий конгломерат обществом не является. Нечто подобное было с русским обществом после террора Ивана Грозного.

¹⁰ Миронов 2000: 30.

¹¹ Яковлев 2003: 216—217.

Поэтому оно просто развалилось после трех голодных лет при Борисе Годунове. К концу коммунистического режима процесс социальной энтропии зашел намного дальше, чем в XVI в., но 20 лет мирной послевоенной жизни чуть-чуть восстановили общество. Только чуть-чуть, потому что ведущий политический слой, увлеченный самообогащением и «красивой жизнью», ничего не делал для восстановления гражданского общества.

Более того, *и это вторая помеха*, российский ведущий слой, судя по всем действиям власти, крайне заинтересован в том, чтобы общество и не созидалось в России. Чтобы активные люди уезжали из страны, а остальные довольствовались теми очень скромными подачками, которые отщипывает от своих караванов русская власть. Так проще присваивать львиную долю богатств страны. Нравственно эта проблема усугубляется тем, что нынешний правящий слой — это представители старой коммунистической элиты, их дети и внуки. У нас не произошло никакой смены правящего слоя, как хотя бы отчасти случилось в послекоммунистических странах Восточной Европы. Причина этого проста: альтернативной элиты в России на момент краха тоталитарной системы не было. Почти всех представителей некоммунистической элиты тщательно истребили еще в сталинские годы те самые сотрудники ВЧК-НКВД-КГБ, дети которых (если не по крови, то по корпорации) пользуются плодами страшных трудов своих отцов. Отцы разрушили до основания русское гражданское общество, а сыновья их и дочери эксплуатируют безответность людей и консервируют всеми способами, от управления средствами массовой информации до фальсификации выборов, унаследованную с советских времен гражданскую пассивность и отсутствие навыка к самоорганизации на добро.

Старая советская партийная и комсомольская номенклатура, генералы и офицеры КГБ не имеют нравственного права управлять Россией, которую их отцы, да и они сами, ставили на колени и обескровливали 70 лет. Не случайно так боятся у нас открытия архивов спецслужб. Очень многое тайное стало бы явным, и очень многие уважаемые имена пошатнулись бы и рассыпались в прах. Люстрация могла бы стать выходом из этого положения, но, во-первых, ее некому осуществлять, и, во-вторых, нынешнюю элиту пока нечем заменить. Поэтому от широкомасштабной люстрации, видимо, придется отказаться.

Я вижу иной путь, более плавный, осторожный, и потому предпочтительный. В принципе к этому именно пути готовилась наиболее дальновидная часть советского ведущего слоя уже с 1970-х годов — самим возглавить назревшие реформы экономической и общественной жизни, под своим контролем строить гражданское общество и рыночное хозяйство. При всей нравственной ущербности, функционально это был оптимальный вариант — резкая смена элиты всегда приводит к большим потрясениям, чем плавная модернизация и расширение возможностей для вертикальной мобильности. Достаточно сравнить

реформы 1860-х с революцией 1917—1922 гг. Но, увы, за годы советской власти разрушенным дотла оказалось не только гражданское общество, но и нравственные начала в новом правящем слое. Когда-то лучшая часть правящего слоя старой России решительно и самоотверженно поддержала Великие реформы государя Александра Николаевича. Но в 1990-е годы, дорвавшись до частной собственности и неконтролируемых доходов, бывшая советская номенклатура напрочь забыла обо всем, кроме обогащения и наслаждения жизнью «по полной». Никакого чувства ответственности у нее не возникло в социально ощутимых масштабах. А в 2000-е и сами реформы стали сворачиваться и заменяться диктатурой как раз из страха, что возникающее все же в условиях свободы гражданское общество покусится на богатства новой старой элиты.

И действительно, в России растет новое поколение, не знавшее тиранического принуждения и идеологической лжи советской эпохи. Эти люди, старшим из которых сейчас уже 30, намного чаще, чем их отцы, хотят сами быть хозяевами своего счастья, а потому — и хозяевами своей страны. Время, безусловно, работает на них. Сейчас они уже составляют добрую треть активной части населения. Интернет соединяет их. Им не хватает знаний, не хватает умения, у них нет навыков ответственной гражданской жизни. Но все это обретается со временем. Они все яснее понимают, что в одиночку можно только выживать — жить по-человечески, богато и достойно можно лишь сообща. Лишь сообща можно покончить с произволом полиции, с уничтожением природы, с коррупцией и с «темной неправдой» в судах. Многие из них посещают западные страны и видят, как там строится настоящее социальное государство и настоящее гражданское общество. Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Слышали мы и в советское время, слышали, да не видели.

И вот наше общество уже одержало первые маленькие победы, отстояв правый руль, отведя на 200 верст от Байкала нефтепровод. Это — только первые успехи. На очереди переход *ad hoc* к реальному выборному самоуправлению с пересмотром распределения налогов между местным и федеральным бюджетом, активное включение суда присяжных, а потом и выдвижение требований к государственной власти — вернуться к свободным, равным и честным выборам. В русском обществе вновь появляются вожаки, общество оживает. Это напоминает, если вновь обратиться к историческим аналогиям, последние годы Смуты XVII в., когда после войны всех против всех вдруг возникли купец Козьма Минин, князь Дмитрий Пожарский, рязанский дворянин Прокопий Ляпунов, троицкий келарь Авраамий Палицын.

Люди, контролирующие сегодня властную вертикаль и пытающиеся суверенно управлять демократией, не смогут остановить этот процесс. Чтобы остановить подобный процесс в начале XX в., большевикам понадобилось колоссальное кровопролитие. Сейчас на это никто не

решится, опять же памятуя о прошлом, да и это невозможно по сути. Нынешний властный слой или будет силой отстранен от власти (такое в истории России уже бывало), или все же включится в процесс строительства гражданского общества, от чего он уклонился в начале 1990-х годов.

Речь идет вовсе не о том, соблаговолит ли нынешний правящий слой вернуть обществу гражданские и политические права и свободы, а о том, сообразит ли он, что его включение в процесс демократизации и правовой эгалитаризации — единственный шанс на выживание для него самого. Старое русское боярство эпохи выхода из Смуты XVII в. понимало это очень хорошо и очень много сделало для воссоздания России после краха государства Рюриковичей. Еще более активно в процесс либерализации и эгалитаризации России в XIX в. включилось русское дворянство, и исправление вековой нашей неправильности в начале XX в. было уже очень близко. Сейчас от выбора ведущим слоем России своего пути вновь зависит и судьба этого слоя, и судьба страны. Многим жертвуя, во многом себя ограничивая, он, включившись в процесс созидания гражданского общества, сможет обеспечить, во-первых, очень важную для развития любой страны преемственность элиты, во-вторых, важную для себя самого сохранность собственности и, в-третьих, доброе имя для своих детей и внуков.

«Готтентотская этика» элиты уже трижды — в XVI, XVIII и XX вв. — губила ее саму и ставила на грань гибели Россию. Какой выбор сделает властвующий слой России сегодня?

Несколько лет назад директор Библиотеки Конгресса США доктор Джеймс Биллингтон закончил свою замечательную бостонскую лекцию «Православие и демократия» красивыми и трагично-оптимистическими стихами Пастернака из «Доктора Живаго». Я тоже позволю себе привести в заключение слова русского поэта, современника Пастернака, возможно, более трагичные и менее оптимистические:

Россия счастье. Россия свет.
 А может быть, России вовсе нет.
 И над Невой закат не догорал,
 И Пушкин на снегу не умирал,
 И нет ни Петербурга, ни Кремля —
 Одни снега, снега, поля, поля...
 Снега, снега, снега... А ночь долга,
 И не растают никогда снега.
 Снега, снега, снега... А ночь темна,
 И никогда не кончится она.
 Россия тишина. Россия прах.
 А может быть, Россия — только страх.
 Веревка, пуля, ледяная тьма
 И музыка, сводящая с ума.

¹² *Иванов 1931.*

Веревка, пуля, каторжный рассвет,
Над тем, чему названья в мире нет¹².

Будет ли наша страна светом или ледяной тьмой, зависит от всех нас, людей России. История продолжается, господа!

Библиография

- Аксаков** А.П. 1999. Высший подвиг // *Правда Столыпина*. — Саратов (http://www.rus-sky.com/history/library/stolypin/#_Точ38780804).
- Зубов** А.Б. (ред.) 2009. *История России: XX век*. — М.
- Иванов** Г. 1931. Россия счастье. Россия свет. // *Современные Записки*. [Париж]. № 46.
- Ленин** В.И. 1968. По торной дорожке! // Ленин В.И. *Полное собрание сочинений*. 5-е изд. Т. 17. — М.
- Миронов** Б.Н. 2000. *Социальная история России*. Т. 2. — СПб.
- Пайпс** Р. 2004. *Россия при старом режиме*. — М.
- Послания Иосифа Волоцкого**. 1959. — М., Л.
- Фурсов** А., Пивоваров Ю. 1998. Русская Система: генезис, структура, функционирование: (Тезисы и рабочие гипотезы) // *Русский исторический журнал*. Т. 1. № 3.
- Яковлев** А.Н. 2003. *Сумерки*. — М.